

- ¹⁶ Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Новосибирск: Наука, 1981. Т. 2. С. 120.
- ¹⁷ Шадаева А.Т. Некоторые проблемы этнокультурной истории бурят. Улан-Удэ, 1998. С. 30.
- ¹⁸ Плано картины. История монголов. М., 1997. С. 37.
- ¹⁹ Хлобыстина М.Д. Говорящие камни... С. 28.
- ²⁰ Мифологический словарь ... С. 420.
- ²¹ Дюземиль Ж. Скифы и нарты. М.: Нука, 1990, С. 901.
- ²² Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1996. С. 12.
- ²³ Геродот. История. Т. 4. Л., 1972. С. 193–194.

А.В. ШАЛАК

ГОЛОД В 1940-е гг.: ОЦЕНКА МАСШТАБОВ И СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ (на примере Восточной Сибири)

Первыми из отечественных историков в начале 1990-х гг. к проблеме голода обратились В.Ф. Зима и И.М. Волков¹. В исследовании В.Ф. Зимы «Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия» собран весьма значительный материал. Историк пишет: «Можно предположить, что в период с 1946 г. по 1948 г. умерло от голода более 1 млн человек. Вследствие голодания переболели дизентерией, диспепсией, пневмонией и др. около 4 млн человек, среди которых было еще около полу-миллиона умерших»². Автор не случайно так осторожно формулирует («можно предположить...») количество умерших от голода, поскольку, если опираться на архивные данные, то данная цифра нуждается в серьезной корректировке. Этой цифрой стали оперировать и западные исследователи. Элман Майкл, профессор экономики Амстердамского университета (Нидерланды) в публикации, посвященной голоду 1947 г. также осторожно предполагает, что в результате голода СССР не досчитался от одного до полутора миллионов человек³. Все больше «околонаучных» спекуляций появляется по этим вопросам в публикациях, активно размещаемых в сети Интернет. Как правило, они выставляются в форме студенческих рефератов, не содержат ссылок на источники, основаны на публикациях, в которых авторы масштабы голода выводят из своих же умозрительных суждений. Целью подобных изысканий является не поиск истины, а стремление воздействовать на общественное сознание, прежде всего подрастающего поколения. Приводимая цифра погибших от голода в уже мирные послевоенные годы (более 2-х млн человек) должна убедить в бесчеловечности советского политического режима последних сомневающихся.

Цифры о полутора–двух миллионах погибших от голода строятся на «недоверии» к советской статистике. Насколько правомерна такая пос-

тановка вопроса? Сбором и обработкой данных о движении населения в тот период специально занимались два центральных государственных ведомства: отдел записи актов гражданского состояния (ЗАГС) Главного управления МВД СССР и отдел демографии ЦСУ при Госплане СССР. Кроме них свою статистику вело Министерство здравоохранения СССР. То есть по сути три ведомства независимо друг от друга занимались сбором и анализом текущей статистики. Между этими ведомствами не было сотрудничества. Цифры, которые приводились по системе здравоохранения и ЗАГСу нередко отличались от данных ЦСУ, которое обладало наиболее богатым банком данных, но никакой кричащей разницы в показателях не было, что позволяет вполне им доверять. При этом вся подобная информация была строго засекречена, поэтому подтасовывать ее просто не имело смысла, поскольку она не публиковалась в открытой печати. Информация всех ведомств анализировалась в ЦК ВКП(б) и Совмине СССР. Причем в докладных записках, направляемых членам Политбюро, фигурируют такие мелкие детали, примеры подушевого учета голодающих и остро нуждающихся в помощи в конкретных местностях, что «сомнения» о сокрытии информации, либо недостоверности информации могут возникнуть в голове людей, пишущих не в познавательных целях, а в развлекательных (как Э. Радзинский), либо откровенно провокационных. Не случайно работы последних издаются на деньги Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, института «открытое общество» (Фонд Сороса) и других западных «неправительственных» организаций.

Все доклады и сводки официальной отчетности, направленные правительству, отмечают ухудшение показателей естественного движения населения в 1947 г. по сравнению с 1946 г.: спад рождаемости и рост смертности, особенно детской, общее сокращение численности населения. При увеличении рождаемости в целом по Союзу, на Украине, в Молдавии, а также в Воронежской, Вологодской, Курской, Куйбышевской, Ленинградской, Саратовской и многих других областях России отмечалось сильное уменьшение числа родившихся в 1947 г. по сравнению с 1946 г. В целом по стране в 1947 г. по сравнению с 1946 г. детская смертность увеличилась на 51%. Таким образом, скачок детской смертности действительно имел место в 1947 г., но при этом она оставалась значительно ниже предвоенного 1940 г., когда также отмечался всплеск детской смертности. Умерло детей в возрасте до года на 1 тыс. родившихся в 1940 г. — 189, в 1946 г. — 69, в 1947 г. — 115, в 1948 г. — 85.

Однако при этом возникает вопрос, насколько корректно чуть ли не все болезни и летальные исходы от них привязывать к проблеме голода? Прямое отношение к последствиям голода имеют такие болезни как дистрофия и «септическая ангина». Неурожай и голод 1946–1948 гг. коснулся трех республик Советского Союза: Молдавии, Украины и России. Согласно данным министерства здравоохранения, больных с диагнозом

«дистрофия» всего по РСФСР в этот период насчитывалось 600 тыс., на Украине — более 800 тыс., в Молдавии — более 300 тыс. В документах из сибирских областей чаще всего упоминаются Забайкалье, Хакассия, Новосибирская, Кемеровская, Томская области. Таким образом, не менее 1,7 млн человек в СССР числились «официально голодающими». Максимальный показатель смертности от дистрофии достигал 10% от общего числа людей, которым был поставлен данный диагноз. В 1947 г. этот показатель был характерен только для Молдавии, где была наиболее тяжелая ситуация. По Украине и России уровень смертности от дистрофии не превышал 5%. По данным Министерства здравоохранения РСФСР, в апреле 1947 г. было зарегистрировано 372,3 тыс. больных алиментарной дистрофией, а в мае того же года их численность возросла до 507,7 тыс., из них умерли 706 человек⁴. То есть уровень смертности от дистрофии на этот период не превышал 0,15%. Но даже если исходить из максимального показателя, то непосредственно голод стал причиной смерти не более 200 тыс. человек.

Нужно прибавить к этому числу умерших от ряда сопутствующих болезней, из которых чаще всего исследователи ссылаются на «септическую ангину». Но от септической ангины умирали немногие, и эти случаи тщательно фиксировались. Заболевание, получившее название «септическая ангина» впервые было зафиксировано в 1932 г. в ряде районов Урала и Западной Сибири. Оно характеризовалось резким снижением белых кровяных телец в крови, высокой температурой, некрозами в зеве и полости рта, кровоизлияниями на коже. Смертность от ее колебалась тогда от 17 до 50%. Ежегодно заболело несколько тысяч человек. Заболевания возникали весной после употребления в пищу зерна (проса, пшеницы, ржи, гречихи и др.), зимовавшего в полях под снегом. Врачи тогда не знали способа лечения коварного заболевания. Вот как описывает первое столкновение с этой болезнью студентка мединститута М. Ковригина, ставшая впоследствии Министром здравоохранения СССР⁵. «В мае 1934 г. меня и двух моих соучениц срочно вызвали в Свердловский Облздравотдел. Там нас встретил председатель областного отдела НКВД... Он объявил, что мы мобилизованы на борьбу с неизвестной заразной болезнью и сегодня же должны выехать к месту работы... Нас передали в распоряжение главного врача маленькой сельской больницы в деревне Дуброва, близ Оханска Пермской области. Больных человек 15, все в очень тяжелом состоянии. Воздух в больнице был пропитан сладковатым гнилостным запахом. Почти все больные кровили. У многих температура поднималась до 40 и выше. Никогда мне не забыть такой страшной картины: во двор нашей больницы въезжает телега, на ней, на перине, лежат две молодые красивые женщины, мать и дочь, обе мертвенно-бледные, потерявшие сознание. Их везли из соседней деревни, и пока доехали до больницы, вся перина пропиталась

кровью, жми ее — потечет кровь. Врач больницы рассказал нам, что удалось спасти только 7-летнюю девочку, у которой умерли отец, мать и трое братьев... Нам показали эту девочку: бледная, худая, обессиленная, в зеве у нее не было ни миндалин, ни дужек, ни маленького язычка. Все некротизировалось, все отторглось.... Тогда и было решено устраивать подворные обходы для выявления больных... Подозрительных на заболевание сразу же направляли в больницу, и, чем раньше выявляли больных, тем быстрее они поправлялись. Со временем я стала находить больных по характерному сладковато-гнилостному запаху, который шел от заболевших... Не было ни одного случая заражения от больных медицинского персонала»⁶.

В предвоенные годы это заболевание практически не встречалось, но в 1943–1944 г. количество заболеваний снова сильно подскочило вверх. Пик заболеваемости приходился на 1944 г., когда численность учтенных заболевших достигала 173 тыс. человек, из которых умерло примерно 28 тыс. До 80–85% больных и умерших было в России, а самая высокая заболеваемость наблюдалась в Куйбышевской, Чкаловской, Ульяновской областях, Башкирской, Татарской АССР и др.

Работы, проводившиеся в ряде научно-исследовательских институтов в годы войны, приблизили медиков к пониманию причин заболевания. Изучение этиологии септической ангины затруднялось тем обстоятельством, что ни на одном из лабораторных животных не удавалось воспроизвести картину заболевания. Только человек заболел септической ангиной. Теория о том, что данное заболевание связано с авитаминозом, не получила доказательств, и в 1943 г. от нее окончательно отказались. Добровольцы, бывшие на полноценном питании, получали перезимовавшее просо, изъятое из очагов септической ангины Ульяновской области, несмотря на отсутствие авитаминоза, заболели септической ангиной. Когда стало окончательно ясно, что ядовитое зерно становится причиной заболевания, по рекомендации Народного комиссариата здравоохранения СССР 31 декабря 1943 г. был подготовлен специальный приказ № 38 уполномоченного ГКО «О мероприятиях по предупреждению и борьбе с септической ангиной».

В июле 1945 г. ученым медицинским советом Наркомздрава РСФСР было принято для этого заболевания название «алиментарно-токсическая алейкия». Однако и после этого причиной летальности по-прежнему записывали септическую ангину, поскольку пострадавшие жаловались на боль в горле. На самом деле под септической ангиной скрывалась лейкопения — заболевание, связанное с отравлением кроветворной системы, а проще говоря, белокровие.

Сведения о заболеваемости септической ангиной и смерти от нее тщательно фиксировались. В справке председателя Совмина РСФСР констатировалось, что в 1945 г. заболело 193 человека, из них умерло

42; в 1946 г. соответственно — 615 и 90; в 1947 г. — 2857 и 224. По этим данным видно, что в 1947 г. смертность была в 2,5 раза выше, чем в 1946 г., но ни о каких миллионах заболевших и сотнях тысяч умерших они не свидетельствуют. К этому времени медики научились правильно диагностировать болезнь, от чего в наибольшей степени зависел успех выздоровления, а на государственном уровне еще в годы войны принят ряд мер по профилактике этого заболевания, главной из которых являлся учет полей с неубранным осенью урожаем. Эти смертоносные поля брались под строгую охрану.

В.Ф. Зима включает в число умерших от голода и тех, кто умер от различного рода эпидемий, включая тиф, а также дизентерии. Одним словом получается, что чуть ли не у всех умерших причиной смерти являлся голод. В 1940-е гг. неоднократно отмечаются вспышки эпидемических заболеваний. Как правило, это было связано с перемещением огромных масс населения, (эвакуация, реэвакуация, репатриация, мобилизация на различные работы, демобилизация и др.), что способствовало быстрому распространению эпидемий, которые не могли предотвратить санитарно-эпидемиологические мероприятия, весьма эффективные для своего времени. В первые послевоенные годы в этом отношении гораздо более тяжелым было положение на территориях, подвергшихся оккупации, — а на них находилось около 40% населения страны. Экономика там была разрушена до предела, а большая часть жилья уничтожена. Множество людей обитало в землянках и жалких хибарках и употребляло в пищу то, что в нормальных условиях никак не считается съедобным. Это и стало причиной высокого уровня эпидемических заболеваний в первые послевоенные годы. Видеть в этом козни политического режима могут только явно политически ангажированные исследователи.

Кроме этого нельзя не учитывать и другие причины сокращения населения в первые послевоенные годы: многие люди умирали тогда от полученных ран (так, к концу войны только в госпиталях находилось более миллиона раненых) и увечий, а кроме того, в это время продолжалась эмиграция из СССР (главным образом, поляков и немцев), и которая в целом составила 5,5 млн человек⁷.

Таким образом, оценка количества погибших от голода в послевоенный период нуждается в серьезной корректировке. С нашей точки зрения, непосредственно голод стал причиной гибели не более 200–250 тыс. человек, даже если брать за основу самые высокие возможные показатели смертности от дистрофии и септической ангины. При этом, бесспорно, продовольственные трудности стимулировали смертность от других болезней, и эта проблема требует специального исследования, но нет никаких оснований включать всех умерших в этот период в список погибших от голода.

Следует также отметить еще ряд аспектов данной проблемы. Большинство авторов, утверждающих о неких колоссальных жертвах послевоенного голода, исходят из некой стабилизации естественного движения населения, наметившегося в 1945 г. Однако в плане условий жизни 1945 г., как и 1944 г. не являлся благоприятным для прироста населения. Более того, с точки зрения социальных условий последние два года войны являлись наиболее тяжелыми, особенно для сельского населения. После войны население СССР было на 26 млн человек меньше предвоенного. Особенно сильно пострадало село. За четыре года войны крестьянское население уменьшилось на 13,9 млн человек или 18%. Если в тыловых районах оно составляло в 1941 г. 24,4 млн, то к 1945 г. — 17,3 млн. В среднем за каждый год войны деревня выделяла для армии и промышленности почти 10% трудоспособных крестьян. Численность трудоспособных колхозников в этих районах уменьшилась на 62,8% (18,2 млн — в 1941 г. до 11,4 млн в 1945 г.). По опубликованным ЦСУ данным общая численность населения Союза в 1953 г. исчислялась в 187,9 млн человек, т.е. была на 8 млн меньше, чем в 1940 г. Довоенная численность населения СССР была восстановлена по данным ЦСУ только в 1955 г.

Кроме того, проблему голода, с нашей точки зрения нужно рассматривать в более широком временном контексте. Голод уже в послевоенный период являлся последствием той тяжелейшей ситуации в сельском хозяйстве, состоянии социальной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, которые возникли под влиянием войны. Продовольственная проблема по отдельным районам резко обострилась уже к концу 1942 г. и трудности в снабжении населения хлебом отмечались до 1948 г. При этом применительно к периоду 1940-х гг. можно выделить отдельные группы населения, которые оказались в наиболее критическом положении. Это колхозное крестьянство, мобилизованные из среднеазиатских республик рабочие, так называемые «спецпереселенцы» и репатриированные граждане.

Крайне острая ситуация возникла уже весной 1943 г. в районах Читинской области. Немедленная помощь требовалась на 10 марта 1943 г. 1473 семьям колхозникам. О серьезных продовольственных затруднениях в Читинской области уже в начале 1943 г. Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР Л. Берия докладывал в Государственный комитет обороны Сталину. Эти проблемы были связаны с тяжелым положением, сложившимся в сельском хозяйстве области. Еще в предвоенном 1940 г. урожайность зерновых составила 5,9 ц с га. В 1941 г. она снизилась до 4,5 ц с га, а в 1942 г. не превысила 3,7 ц. Одновременно за 1942 г. произошло резкое сокращение поголовья: по лошадям на 36 950 голов, крупному рогатому скоту на 29 660 голов и свиньям на 9 550 голов. В отдельных колхозах Нерч-Заводского, Сретенского, Балейского и других районов уже весной 1942 г. колхозники употребляли

в пищу мясо павших животных и различные суррогаты. В ряде районов колхозники не выходили на работу из-за отсутствия хлеба.

В докладной записке Л. Берии приводится порайонный подсчет голодающих: не имели в начале 1943 г. продуктов питания 56 семейств в с.Калдыга, Газ-Заводского района, 112 колхозных семейств в Шахтаминском районе, в колхозах Нерч-Заводского и Быркинского районов не имели хлеба 360 человек, из них 215 человек членов семей красноармейцев. В селах Дрмасово, Башурово и Болдуй 2-ой, Усть-Борщевка и Малка, Нерч-Заводского района, не имели хлеба 25 семей, в составе которых имелось от 3 до 9 детей. Из-за отсутствия хлеба и других продуктов в ряде колхозов имели место факты заболеваний и безбелкового опухания детей колхозников.

В записке Л. Берии приводятся данные и о конкретных голодающих семьях. В частности, в семье красноармейца Деренцова (с. Некрасове, Шахтаминского района) опухли от недоедания четверо детей в возрасте 5–12 лет. Факты опухания выявлены у детей Е. Кочевой в селе Некрасове, и у детей А.Т. Добрыниной, проживающей в с. Богданове. Приводится факт смерти от истощения в декабре 1942 г. колхозницы Н.Ф. Шаршина в с. Кочья, Нерч-Заводского района. Приводятся единичные факты преступлений на почве голода. В с. Нижняя Хила, Шилкинского района, 7 ноября 1942 г. колхозник П.С. Суханов 1914 г. рождения, зарубил свою мать, жену, шестерых детей и выстрелом из ружья покончил с собой. В оставленной записке Суханов указал, что на преступление его вынудил голод. 19 декабря 1942 г. в с. Заренском, Ильдикане, Газ-Заводского района, 17-летний Иннокентий Веслопалов, при участии 15-летнего брата, убил 12-летнего К.Т. Корнилова, пригласив его к себе в землянку. Труп был ими разрублен и использовался в пищу⁸.

Доведение такой детальной информации до высшего руководства страны вряд ли может быть свидетельством «недостовой статистики», либо невнимания политического режима к проблеме продовольственного обеспечения.

К весне 1945 г. обстановка еще более осложнилась. По официальным данным на 20 апреля 1945 г. больных дистрофией в Читинской области насчитывалось 10 598 человек, 133 человека умерли от истощения. В отдельных районах области практически все колхозы нуждались в немедленной помощи. В Балейском районе из 9267 колхозников в экстренной помощи нуждалось 9 067 человек. По составленному списку наиболее нуждающимся выделялось по 300 г хлеба в сутки на человека⁹.

С осени 1944 г. население многих аймаков Бурят-монгольской АССР не имели хлеба и других продуктов (Джидинского, Кижингинского, Кадаринского и др.) В результате голода в этих районах фиксировались многочисленные факты дистрофии и смерти от голода. Колхозники отказывались от выхода на работу, дети не посещали школы. Вопреки запре-

щениям голодные люди употребляли мясо павших животных. Однако, чтобы выделить голодающим по 200 г зерна в день на человека, требовалось получить разрешение из Москвы.

К весне 1945 г. обстановка с продовольствием в республике выглядела еще более тяжелой. В докладной записке Л. Берия на имя Сталина, Молотова и Маленкова от 17 апреля 1945 г. кратко описывается география голода в республике. Сообщается, что в течение февраля-марта 1945 г. в Кяхтинском и Кударинском аймаках от алиментарной дистрофии умерло более 35 человек. Произведенным Наркомздравом БМАССР обследованием было выявлено пораженных алиментарной дистрофией в Кударинском аймаке 2000 человек, Кяхтинском — 1100 человек, Селенгинском — 50 человек и Прибайкальском аймаке — 50 человек. Также как и в аналогичной записке по Читинской области сообщается о выявленных фактах употребления некоторыми колхозниками на почве голода мяса павших животных и собак, а также о «резком увеличении» уголовной преступности, главным образом, кражах скота и квартирные кражи. В частности, за январь-март 1945 г. в Кяхтинском аймаке было совершено 103 уголовных преступления, из которых 12 случаев кражи скота и 62 квартирные кражи. В Кударинском аймаке в первом квартале 1945 г. было совершено 40 уголовных преступлений, из них краж скота 11 и 20 квартирных краж¹⁰. Трудно удержаться от ремарки: эти показатели в отдельных публикациях именуются «разгулом преступности в период голода», но что могут сказать авторы подобных публикаций о вале преступности, захлестнувшим «сытую» Россию на пути «движения к цивилизации»?

Но все же пик голода по сельским районам региона пришелся на первые послевоенные годы. Наиболее сложной продолжала оставаться обстановка в Читинской области. Из-за засухи в 25 основных сельскохозяйственных районах области большинство колхозов не выполнили план по сдаче хлеба. Поэтому выдача хлеба на трудодень в них не проводилась вообще, кроме аванса за счет 15 процентного отчисления от сдаваемого зерна государству¹¹.

Весной 1946 г. критическая ситуация сложилась во многих районах Иркутской области. В Баяндаевском аймаке колхозникам по итогам уборочной выделили в, среднем, по 480 г зерна. Но этот хлеб они выбрали еще летом-осенью 1945 г. В результате из 58 колхозов в 49 зерна, картофеля, других продуктов не имелось совсем. Выживали за счет молока. В семи колхозах люди стали опухать от голода. Ежедневно в райком партии обращалось 50–60 человек с просьбами о немедленной помощи. Из 50 колхозов Заларинского района в этот же период голодали в 49. В районе по итогам 1945 г начислили на трудодень от 120 до 500 г зерна. Урожай картофеля в том году был очень низким, так что к весне 1946 г. никаких продуктов в хозяйствах колхозников не осталось. Чтобы справиться с ситуацией, необходимо было выделять по 30 т хлеба в месяц

для продажи населению района по коммерческим ценам через ларьки. Но выделили только в марте и апреле по 6 т¹².

В Усть-Кутском районе 26 колхозов не смогли приступить к посевным работам из-за отсутствия продовольственного хлеба, причем по 12 колхозам положение сложилось исключительно тяжелое. Телеграммы с сообщениями об отсутствии хлеба и других продуктов, опухании людей от голода и просьбами об оказании срочной помощи колхозникам поступают в это же время из Тыретского, Тангуйского, Тайшетского, Нукутского, Усть-Удинского, Осинского, Аларского, Балаганского, Эхирит-Булагатского, Жигаловского, Боханского, Ангинского, Качугского, Черемховского, Киренского районов области¹³.

Очень сложной ситуация со снабжением сельского населения оставалась и в 1947 г. Однако, она не была такой критической, как по ряду вышеотмеченных регионов страны.

В годы войны из-за дефицита трудовых ресурсов в Восточной Сибири привлекалась рабочая сила из других регионов. Из военнообязанных, не годных по состоянию здоровья к строевой службе, формировались рабочие и строительные колонны. Среди мобилизованных рабочих высоким был удельный вес выходцев из среднеазиатских республик. В Иркутской области в начале 1944 г. работало 3 тыс. привлеченных таджиков, узбеков, казахов. Возможностей для создания благоприятных условий по их этнокультурной и природной адаптации не имелось. Поэтому среди них отмечается очень высокий уровень заболеваемости, в том числе и дистрофией. Проведенные расчеты показывают, что по этим причинам постоянно не работали 30–43% мобилизованных¹⁴.

В Красноярском крае в это же время проживало 2436 узбеков, таджиков, казахов, прибывших по мобилизации. На Черногорском руднике «Хакасуголь», где работали узбеки и казахи к концу 1943 г. только по причине истощения вообще освободили от работ или перевели на поверхностные работы 41,2% работавших. На заводе № 4 им. Ворошилова по этим же причинам на 10 августа 1943 г. не работало почти 45% мобилизованной рабочей силы, причем около 20% неработающих умерли¹⁵.

Реакцию центральных органов власти на эти мероприятия нужно признать верными и вполне своевременными. Уже на протяжении 1943 г. массовые мобилизации из Средней Азии не проводились, а в 1944 г. начинается по указанию СНК СССР массовая демобилизация среднеазиатских рабочих и отправка их на родину

Но в наиболее сложном положении оказалась переправленная на проживание и работу в Восточную Сибирь группа «спецпереселенцев». Директивы, по которым функционировала система ГУЛАГа, считались совершенно секретными. Это затрудняет поиск и анализ конкретного регионального материала по «спецпереселенцам», тем более что эти контингенты часто перебрасывались из одной местности в другую. Те документы, которые

найжены исследователем, позволяют сделать вывод, что условия жизни этой группы людей в Восточной Сибири являлись наиболее тяжелыми. В докладной записке прокурора Красноярского края в декабре 1943 г. отмечалось, что присланный спецконтингент немцев с Поволжья в Ярцевский район Красноярского края для рыбодобычи в количестве 1272 человек на рыбной добыче не работает, ведет нищенский образ жизни, в мороз ходят разутые, раздетые, голодают старики и дети. Таким же являлось и положение переселенных калмыков¹⁶. Скудная материальная база на местах не позволяла существенно улучшить их положение. Местными органами власти какой либо помощи «спецпереселенцам» не оказывалось. Их юридический статус был определен постановлением СНК СССР «О правом положении спецпереселенцев» только 8 января 1945 г.

В послевоенный период в таком же положении оказались репатриированные граждане из западных районов страны. В основном они использовались на работах в рудниках, угольной и лесной промышленности. С марта по июнь 1946 г. 734 репатрианта завезли в Мамское рудоуправление, 2366 репатриантов работало на сентябрь 1948 г. тресте «Лензолото». В 1948 г. тресту «Востсиблес» передали 2266 семей репатриированных (всего 7800 человек) в соответствии с решением правительства в 1948 г. на предприятия лесной промышленности Иркутской области направленно еще 2903 семей. В трест «Кировуголь» в декабре 1947 г. поступило 2300 семей «спецконтингента» из числа литовцев¹⁷. Репатриированное население завезли на территорию Восточной Сибири как раз в то время, когда условия проживания здесь являлись наиболее сложными. Во многих районах региона из-за засухи почти не собрали никакого урожая. Одновременно в послевоенный период сокращали контингент населения, снабжаемого по карточкам. В таких условиях обеспечить сносные условия выживания для них не представлялось возможным. Размещали их в наспех приготовленных бараках, землянках, которые не имели ни двойных рам, ни печей. Совершенно отсутствовали столы, кровати, освещение. Подавляющая часть репатриированных не имела теплой одежды, обуви. На работу ходили босиком. Заработная плата репатриированных, работавших в Мамском рудоуправлении на самой тяжелой работе в забое, в 1947 г. составляла от 10 до 50 р., но и она не выдавалась своевременно¹⁸.

Приведем лишь один пример об условиях жизни репатриированного населения. В Тайшетском районе по решению правительства в 1946 г. специально для репатриированных создали артель «Межрайлесхим-просоюз». В октябре 1946 г. в 10 подразделениях артели числилось 804 рабочих и 1091 иждивенцев, т.е. неработающих членов семьи. До февраля 1947 г. продукты им вообще не выделяли. В феврале 1947 г. выдали 150 карточек на 500 г хлеба, в марте и апреле — 150 карточек на 500 г хлеба, 150 на 200 г и 50 карточек на 100 г. Артель к этому времени развалилась¹⁹. В 1948 г. оставшиеся в живых репатриированные

переводились на положение «спецпереселенцев», т.е. определялись на постоянное проживание по месту высылки без права выезда.

Таким образом, факты об условиях жизни различных групп населения, проживающего на территории Восточной Сибири в 1940-е гг. свидетельствуют, что хронологически период голода не ограничивается 1947–1948 гг. Уже с осени 1942 г. факты голода отмечаются в различных районах Восточной Сибири. При этом «социальная география» голода выглядит также значительно шире. К наиболее пострадавшим от голода следует отнести не только колхозное крестьянство отдельных районов Восточной Сибири, но также мобилизованных рабочих и среднеазиатских республик, спецпереселенцев и репатриированных граждан. Детально, нередко пофамильное описание голодающих имеет в большей степени к колхозному крестьянству. Эта информация с территорий доводилась до высшего руководства страны, и это позволяет утверждать, что центральные органы владели информацией и контролировали ситуацию.

В целом, говоря о ситуации 1946–1948 гг., отметим, что послевоенное состояние страны привело к множеству голодных смертей. Однако оценка характера этой проблемы, не должна игнорировать ее конкретно-исторические обстоятельства. С нашей точки зрения, нет оснований не доверять архивным данным и данным статистики. Умозрительные расчеты и оценочные выводы, исходящие из неких «прав и свобод» к истории не имеют никакого отношения. Нелепо навязывать оценочные суждения по проблеме голода 1940-х гг., опираясь на идеологию либерализма, которой в то время бредила небольшая группка интеллектуалов на Западе. В годы самой жестокой войны в истории человечества, когда на кону стояло его будущее, в разворачиваемых гигантских сражениях, где фронт и тыл были, по сути, неразделимы, не было места простому человеку, с его мыслями, проблемами, чаяниями. Речь в это время шла о переустройстве мира, закреплении на приобретенных пространствах. Советская государственная машина действительно неторопливо разворачивалась к обустройству собственной территории, отдавая приоритет безопасности страны. Однако нелишним здесь будет напомнить, что именно эти усилия обеспечили мирное поступательное развитие в послевоенный период и стабильность на самом европейском континенте. Но за это пришлось заплатить дорогую цену. Несмотря на критическую ситуацию на внутреннем продовольственном рынке, значительная часть запасов зерна пришлось направить в освобожденные европейские страны. Если в годы войны экспорт зерна сократился до минимума, то в 1946 г. было экспортировано более одного миллиона тонн. В первом полугодии 1947 г. было разбронировано из государственных резервов 4,6 млн т зерна, в том числе для экспорта во Францию 0,5 млн т. Помимо Франции зерно поставлялось в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, другие страны²⁰. Нужно иметь в виду, что все это было на фоне глубочайшего противоречия меж-

ду внешним — всемирным — величием победоносной страны и «ничтожеством» ее внутренней, по выражению В. Кожинова. Если США вышли из войны сверхдержавой, на которую приходилось 50% мировой продукции, что позволяло им оказывать весьма эффективную помощь своим потенциальным союзникам, то СССР с разрушенной экономикой, не обустроенными границами такой возможности не имел. При этом страна оказалась теперь один на один с объединенным Западом. Обеспечение безопасности не могло не сказаться на эффективности решения социальных проблем населения. Все эти обстоятельства нужно обязательно учитывать, оценивая характер голода в 1940-е гг.

Примечания

¹ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996; Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. М.: Наука, 1991. № 4. С. 3–19.

² Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996. С. 170.

³ Элман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 197–199.

⁴ URL: revolution.allbest.ru/history/00096425_0.html

⁵ Ковригина М.Д. (1910–1995) — член ЦК КПСС в 1952–1961 гг. В 1941–1942 гг. заместитель председателя Челябинского облисполкома, в 1942–1950 гг. заместитель наркома (министра) здравоохранения СССР, в 1950–1953 гг. министр здравоохранения РСФСР, а с 1954 по 1959 гг. — СССР.

⁶ URL: revolution.allbest.ru/history/00096425_0.html

⁷ Кожин В. Россия. Век XX. Опыт беспристрастного анализа. 1939–1964. С. 60.

⁸ ГАЧО, ф. 3-п., оп. 1, д. 1503, л. 6; д. 1994, л. 36–37.

⁹ Там же. Д. 1994, л. 73.

¹⁰ НАРБ, ф. 1-п, оп. 1, д. 4334, л. 10–12.

¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 806, л. 23, 25.

¹² ЦДНИИО, ф. 127, оп. 14, д. 275 л. 25–26.

¹³ Там же. Д. 271, л. 60, 60об; д. 272, л. 261; д. 275, л. 7, 22, 28, 41; ф. 401, оп. 2, д. 659, л. 39.

¹⁴ Там же. Ф. 159, оп. 7а, д. 72. л. 10–12.

¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 26, оп. 4, д. 54, л. 164, 166.

¹⁶ Там же. Д. 52, л. 64; оп. 14, д. 36, л. 278; д. 48, л. 159–160.

¹⁷ ЦДНИИО. Ф. 29, оп. 1, д. 1459, л. 54; д. 1466, л. 15; ф. 127, оп. 14, д. 585, л. 139; д. 585, л. 9–10, 44, 125.

¹⁸ Там же. Ф. 29, оп. 1, д. 1466, л. 15.

¹⁹ См. более подробно: ЦДНИИО. Ф. 29, оп. 1, д. 1390, л. 16–20, 54; д. 1466, л. 15; ф. 199, оп. 3, д. 74, л. 25–27; ф. 127, оп. 14, д. 278, л. 396–397; д. 4380, л. 74; д. 585, л. 1–12, 44, 125, 139.

²⁰ Попов В.П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. М.: Наука: 1998. № 5. С. 29.